УДК 81-31=811.511.152.1

DOI: 10.30624/2220-4156-2018-8-1-77-85

**Традиции мемуарной прозы в автобиографической повести
Е. Четвергова «Размышляя о прожитом»**

С.В. Шеянова

*ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва»,
г. Саранск, Россия. sheyanovas@mail.ru*

А.М. Закирзянов

*ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
г. Казань, Россия. Alfak_zak@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение: в эпоху смены социальной идентичности проявляется тяга к экзистенциальному самоопределению, самоидентификации, что приводит к активизации авторского самосознания, поиску национальным художественным словом новых форм литературного бытия, особое место среди которых занимает автобиография, как способ выражения индивидуального миропонимания и выявления различных проявлений национальной жизни. Одновременно «литература человеческого документа» (Л.Я. Гинзбург), представляя авторское психологическое сознание, субъективное восприятие жизни, обращается к решению философских вневременных проблем, вопросов общечеловеческого содержания. В связи с этим возникает необходимость скрупулезного разноаспектного изучения автобиографической литературы как способа репрезентации народной мудрости, этики, философии, гуманизма и диалектики национальной культуры в контексте общечеловеческих ценностей, онтологических законов.

Цель статьи: данная статья посвящена исследованию рецепции традиций мемуарной прозы в автобиографической повести эрзянского писателя Е. Четвергова «Размышляя о прожитом», осмыслению индивидуально-авторской модели взаимоотношений субъекта и социума, интерпретации эксплицированных в художественном дискурсе произведения культурно-исторических, национально-этических, экзистенциальных вопросов бытия.

Материалы исследования: эмпирическим материалом исследования выступает повесть Е. Четвергова «Размышляя о прожитом», характеризующаяся оригинальностью репрезентации триады «индивидуальное – национальное – универсальное». Методология работы основана на системном подходе, комплексе традиционных методов литературоведческого анализа – сравнительно-типологическом, проблемно-тематическом, структурно-поэтическом.

Результаты и научная новизна: в статье в научный оборот впервые вводится повесть Е. Четвергова «Размышляя о прожитом», интерпретируемая в аспекте традиций мемуарной прозы. В ходе рассуждений над темой исследования авторы приходят к заключению о том, что прозаик трансформирует субъективную автобиографию в разноплановое повествование социально-политического и национально-культурного содержания, конструирует самобытную модель внутренней и внешней биографии авторского «я».

Ключевые слова: литературоведение, мордовская литература, мемуарная проза, автобиографическая проза, повесть.

Для цитирования: Шеянова С.В., Закирзянов А.М. Традиции мемуарной прозы в автобиографической повести Е. Четвергова «Размышляя о прожитом» // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 1. С. 77–85.

**Traditions of the memoir prose in the autobiographical story by
E. Chetvergova «Thinking about the spent life»**

S.V. Sheyanova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation, sheyanovas@mail.ru*

A.M. Zakirzyanov

Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation,

alfat_zak@mail.ru

ABSTRACT

Introduction: in the era of change of social identity there is a craving for existential self-determination, self-identification, which leads to the activation of the author's consciousness, the search for new forms of literary existence. Among these forms autobiography occupies a special place as a way of expressing of individual worldview and identifying of various manifestations of national life. At the same time the «literature of the human document» (L.Ya. Ginzburg), representing the author's psychological consciousness, subjective perception of life, drawn to the solution of philosophical timeless problems and issues of universal human content. In this regard, there is a need for scrupulous multifarious study of autobiographical literature as a way of representing of folk wisdom, ethics, philosophy, humanism and dialectics of national culture in the context of universal values, ontological laws.

Objective: the article is devoted to the research of reception of traditions of memoir prose in the autobiographical story of the Erzya writer E. Chetvergov «Thinking about the spent life»; comprehension of the individual and author's model of the relationship between the subject and the society; interpretation of cultural, historical, ethno-national, existential questions of being explicated in artistic discourse of the work.

Research materials: the empirical material of the research is the story by E. Chetvergov «Thinking about the spent life», which is characterized by the originality of the representation of the triad «individual – national – universal». The methodology of the work is based on the system approach, a set of traditional methods of literary analysis – comparative-typological, problem-thematic, structural-poetic.

Results and novelty of the research: for the first time in the scientific circulation the story by E. Chetvergov «Thinking about the spent life», interpreted in the aspect of traditions of memoir prose, is introduced. In the course of discourse the authors come to conclusion that the prose writer transforms the subjective autobiography into a diverse narrative of sociopolitical and national and cultural content; he constructs an original model of the internal and external biography of the author's self.

Key words: literary criticism, Mordovian literature, memoir prose, autobiographical prose, story.

For citation: Sheyanova S.V., Zakirzyanov A.M. Traditions of the memoir prose in the autobiographical story by E. Chetvergov «Thinking about the spent life» // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2018; 8(1): 77–85.

Введение

Жанр автобиографии по своей природе историчен. «Своеобразные, переходные формы от самоотчета-исповеди к автобиографии появляются на исходе средних веков и в раннем Возрождении» [1, 139]. Первые автобиографические сочинения в русской словесности – жития Елеазара, Епифания, Аввакума. Особый интерес к автобиографии в его реалистическом варианте проявился в XIX столетии («Былое и думы» А.И. Герцена, «Детство. Отрочество. Юность» Л.Н. Толстого, «Семейная хроника» С.Т. Аксакова, «На рубеже Азии» Д.Н. Мамина-Сибиряка и др.), утвердился в XX веке (М. Горький «Мои университеты»).

Вопрос о жанрово-стилевых, структурных признаках автобиографии дискуссионен, вызывает ряд концепций, мнений, определений. М. М. Бахтин под автобиографией (жизнеописанием) понимает «трансгredientную форму, ... которая может служить для самообъективации» [1, 140]. По мысли ученого, автобиографическая форма объективна, реалистична, «ибо в ней менее всего изолирующих и завершающих моментов,

активность автора здесь наименее преобразующая, он наименее принципиально использует свою ценностную позицию вне героя, почти ограничиваясь одною внешнею, пространственною и временною, внеаходимостью; нет четких границ характера, отчетливой изоляции, законченной и напряженной фабулы» [1, 141].

Н.А. Николина свидетельствует о неоднородности автобиографических произведений, представленных «разветвленной внутрижанровой системой, в которую входят: 1) собственно автобиографии – документальные тексты, представляющие собой краткие и формализованные жизнеописания; 2) автобиографические тексты, включающие одновременно развернутые воспоминания о прошлом; 3) автобиографии, тяготеющие к беллетризованной форме; 4) художественные произведения, использующие жанровую форму автобиографии и опирающиеся на реальные факты жизни автора» [2, 12], в которых «центром эстетического видения» (М.М. Бахтин) становится человек, его интимно-личностная сфера, жизненный путь, интерпретируемый как самоосуществление.

Любое творение искусства по своей сути является автобиографичным. Жизненный опыт автора входит в произведение с разной степенью трансформации и модификации. По утверждению Л.Я. Гинзбург, «литература вымысла черпает свой материал из действительности, поглощая его художественной структурой; документальная достоверность изображаемого, в частности происходящая из личного опыта писателя, становится эстетически безразличной» [3, 9]. Автобиографические произведения, представляющие историю становления личности их авторов, литературовед определяет как «автопсихологические».

Развитие автобиографии как «микромоделей культуры» (Н.А. Николина) связано с самопознанием, открытием «я». Предметом ее изображения является не бывшее само по себе, а бывшее в связи со становлением внутреннего мира автора текста. Открытие индивидуальности, возрастающая роль личностных аспектов культуры привели к изменениям авторских интенций, переходу от информации об основных событиях жизни к «осознанию прошлого и пониманию этого мира» (М.М. Бахтин). В русской литературе этот процесс наглядно прослеживается от текстов-биографий XVIII века до произведений автобиографической прозы XIX–XX столетий.

В национальных литературах развитие мемуарно-автобиографической прозы стало одной из тенденций современного историко-культурного процесса. По утверждению Т.И. Зайцевой, «в собственных биографиях писатели находят возможность выразить национальную непохожесть и одновременно с этим ощутить себя частицей исторического прогресса, передать чувство приобщенности к общей судьбе страны» [4, 223]. Мемуарно-автобиографические произведения осмысливаются «способом перехода литературы от отдельного человека к миру, к общему представлению о смысле бытия...» [4, 223].

В мордовском литературоведческом дискурсе проблемы эволюции, трансформации, рецепции традиций мемуарно-автобиографической прозы в творческих манифестациях отдельных авторов до настоящего времени находятся на периферии исследовательского интереса, что вызывает необходимость концептуального их решения и осмысления с целью определения и оценки эстетического уровня конкретных образцов и литературного контекста в целом. Данная статья восполняет существующий пробел в национальной науке о литературе.

Материалы и методы

Трансформация автобиографического начала в структуре повести «Размышляя о прожитом», оригинальные пути манифестации авторского мировидения приводят к разветвленности сюжета произведения, масштабности хронотопа, многослойности нарратива, концентрации нравственно-психологических интенций. Разнородность, многослойность, полифоничность текста обусловили обращение к системному подходу, основанному на традиционных методах литературоведческого анализа (сравнительно-типологический, проблемно-тематический, структурно-поэтический), обогащенному междисциплинарным подходом, аккумулирующим достижения культурологи, философии, этнографии, истории, в совокупности позволяющих воспринять художественное целое в единстве формальных и содержательных компонентов, интерпретировать его частью культурно-исторической действительности. Контаминация традиционных методов анализа художественного произведения и междисциплинарных научных концепций приводит к объективным выводам об эстетическом уровне повести, аналитико-философской ее направленности, нравственно-психологической и социально-исторической содержательности.

Результаты

Современный период развития мордовской литературы характеризуется активизацией «литературы человеческого документа», обнаружившей себя в большом корпусе произведений малой прозы – воспоминаний, литературных портретов, биографий, миниатюр. На наш взгляд, то, что в предыдущие десятилетия, безусловно, вылилось бы в произведения крупной формы (доказательством могут служить автобиографические романы Т. Кирдяшкина, К. Абрамова, М. Сайгина, повести М. Девятова, А. Соболевского и др.), в настоящее время реализуется в малых формах мемуарно-автобиографической прозы, о чем свидетельствуют творческие проекты А. Доронина, Т. Барговой, В. Демина, В. Лобанова и др.

Особое место в мордовском художественном дискурсе занимает повесть Е. Четвергова «Эрзэ-дэнь арсеэзь» («Размышляя о прожитом») [5], написанная на основе автобиографической памяти, наследующая типологические черты мемуаристики – ориентированность на достоверность описываемых событий и фактов, минимальность

вымысла, одновременно большая степень субъективизма (личностное восприятие действительности, вариативность ее интерпретации), ретроспективность, временная дуальность.

По архитектонике «Размышляя о прожитом» – повесть в миниатюрах. Каждое композиционное звено – миниатюра – состоит из двух частей: описания события и размышления о нем, что следует считать особенностью индивидуальной манеры прозаика – приверженность к аналитическому, размышляющему началу прослеживается как в его ранних миниатюрах, так и в романах последних лет. В первой части наблюдаем реалистичные описания действительности, материальных и духовных явлений, фиксацию наиболее памятных моментов прошлого, изображение человеческих судеб.

Вторая часть миниатюры – «размышление» – наполняется субъективизмом, экспликацией индивидуального мировидения и оценок: много повидавший и переживший автор скрупулезно описывает свои интенции и мироощущения, «делает их точкой отсчета в системе определений и характеристик» [2, 225]. Достаточно часто он вступает в своеобразный конфликт с негативно воспринимаемой им идеологией советской эпохи, а также спорит с мировоззренческой позицией современной власти. В процессе воссоздания образа собственного «я» «субъект слишком заинтересован в своем предмете, относится к нему страстно и пристрастно, склонен к самовозвеличиванию, к идеализации того самого «я» [6, 298]. Таким образом оформляется образ бунтаря-правдоискателя, идеалиста, абсолютно положительного героя, репрезентированного в романах «Ванине» («Ванечка»), «Тесэ ды Тосо» («Здесь и Там»), документальных очерках.

Временной континуум повести достаточно широк – с 1930-х годов до современности. Важнейшие события прошлого, ключевые моменты истории страны XX столетия осмысливаются постфактум. Личный опыт, достаточная временная дистанция позволяют объективно оценить общественно-политические и культурные факты, обстоятельства, избежать воздействия стереотипов, быть последовательным принципам исторической адекватности. Личное биографическое время в повести (время становления характера, проявлений его внутренней сущности, формирования мировоззрения), согласно канонам автобиографии, соотносится с историческим временем, что позволяет не только осмыслить отражение истории в человеке, но и экспли-

цировать авторскую концепцию характера.

В повести воспроизводится жизнь рассказчика «с самого начала» – с того момента, когда он помнит себя (с четырехлетнего возраста) – до пожилого возраста. В структуре произведения, в выделении девяти глав, воссоздающих основные этапы жизни героя, прослеживаются четкая хронологическая последовательность, временная соотнесенность, многомерность, непрерывность, которые определяют архитектуру повести в целом. Необходимо указать на значительность временной дистанции, разделяющей время «рассказа» (аналогично моменту речи) и время описываемых событий, ситуаций – с 1938 года. Таким образом в повести наблюдаем характерные для автобиографии ретроспекцию и «соположение двух временных планов» (Н.А. Николина)

В основе биографического времени повести – пространственный образ пути (жизненный путь, путь познания, преодоления себя), который часто реализуется в частных образах перепутья, рубежа, дороги и т.д. У Е. Четвергова жизнеописание содержит элементы путешествия, поиска «я», борьбы идей, преодоления жизненных преград, приобретения внутренней уверенности, духа. Образ пути предполагает движение, развитие, что объединяет личное и историческое время.

Повесть Е. Четвергова «Размышляя о прожитом» имеет множество параллелей с происходящими в стране общественно-историческими событиями. Автор-повествователь эксплицирует себя сквозь различные проявления эпох. Предметом автобиографической памяти становятся не только факты личной жизни, но и история и судьба всей страны. Значительная временная дистанция усугубляет «превращение» автобиографии в историческую картину. При этом фактологический материал, естественно, получает творческую обработку, автор «перестраивает» его под определенным углом зрения, а в ряде случаев сознательно переосмысливает итоги прошлого, что обусловлено стремлением выразить авторское «я».

Особой эмоциональностью, выразительностью характеризуется глава «Опаленные войной». Если последующие части повести изобилуют проявлением субъективности, индивидуального «я», то в этой части с опорой на личные воспоминания изображается модель осмысления и восприятия войны и военного времени детьми и подростками вообще.

Поколение, встретившее войну подростками, не принимавшее непосредственного участия в боевых действиях, слишком рано повзрослело, испытало ответственность, осознало свой долг. Ощущение народного единства, вера в победу, надежда на возвращение близких, взаимопомощь, психологическая взаимоподдержка – все это помогло им выжить в нечеловеческих условиях военного тыла.

В повести эпический план перемежается с активным лирическим началом. Такая корреляция вызвана необходимостью исследования нравственно-психологических возможностей личности, вступающей в жизнь в драматических условиях войны. Для анализа нравственного мира подростков военного времени автор выбирает психологические ситуации, когда обстоятельства напряжены, время сгущено, уплотнено до предела. Повествователь представляет разные судьбы, но есть объединяющее их звено – война. Герой-подросток находится не на поле боя, тем не менее он сражается – борется с голодом, усталостью, страхом. «На спине у меня тканевый мешочек на веревочках. Не спеша хожу по полю – собираю выпавшие после уборки урожая редкие колоски. Подниму четыре-пять – в мешочек, соберу несколько – туда же. До такой степени приходится тщательно присматриваться, что болят глаза, ноет шея. Даже во сне снятся эти «походы» на поля, поиски пшеничных, ячменных, ржаных колосков...»¹ [5, 53]. Таким образом скрупулезно воссоздается образ военной деревни, проявлениями которой стали постоянное ощущение голода, причитания получивших похоронки женщин, поиск мерзлой картошки, запрет сорвать несколько стручков гороха и др.

Некоторые миниатюры-рассуждения получают историко-политический подтекст. Автор пытается разобраться в противоречиях и казусах прошлого, выявить причины допущенных ошибок, цена которым – человеческие жизни. Доказателен эпизод-размышление о трагических событиях конца 1930-х годов, вошедших в историю как «время великих переломов и проломов». «Враги народа... В чем их вина, что они совершили? В ответ – тишина. Одни угодили под машину власти, боявшейся свержения Сталина, все из близкого окружения «вождя»: Тухачевский, Блюхер, Бухарин, Троцкий, Каменев... Все, считай, евреи. Другие – представители на-

циональной интеллигенции: писатели, учителя, языковеды, историки, журналисты... Их стали называть «буржуазными националистами», «террористами». Сталин их не боялся. Тогда в чем их вина? Расстреляли за развитие культуры родной страны. Кроме них много «кулаков», «антисоветчиков», «контры», среди которых были в основном простые крестьяне, пахари и сеятели, были объявлены «виновными» и отправлены на лесоповал, в шахты и на другую тяжелую работу в необжитых краях...» [5, 27]. Данные эмоциональные рассуждения следует оценивать как попытку понять и объяснить причины драматических обстоятельств первых десятилетий XX века. Используемые лексико-стилистические компоненты, интонационно-речевая организация меняют тональность повествования, усугубляют исторический колорит. Писатель бескомпромиссен в вопросе ущербности периода 1930-х годов, воспринимаемого им черной полосой в истории страны, временем разрушения национальной идентичности – культуры и духа. Безусловно, однозначна отрицательная оценка сталинской эпохи как жесточайшей по методу действий тоталитарной системы, массовых репрессий, гибели ни в чем не повинных людей. Однако современные историки говорят о необходимости признания ценности всех периодов российской истории, т.к. они оказывают определенное влияние на формирование самосознания россиян. Негативный подход к советской истории, по их справедливому мнению, «не просто ошибочен, а вреден, поскольку углубляет конфронтацию в обществе, разрушает историческое самосознание, лишает молодое поколение нравственных ориентиров, доверия к отцам и дедам» [7]. Как указывалось ранее, Е. Четвергов крайне негативно воспринимает идеологию советского периода, однако подобные манифестации, на наш взгляд, нельзя интерпретировать как переписывание истории, это отчаянная попытка понять мотивы и механизмы принятия приказов о «врагах народа», стремление реанимировать трагическую эпоху в деталях.

Писатель стремится раскрыть индивидуальное «я» личности в тесной взаимосвязи с этническим самосознанием. Бесспорно утверждение о том, что «исторически праздник уходит в глубокую древность и его корни тесно связаны с магией, ритуалом, культом, трудовой деятельностью, мировосприятием, ценностными ориентациями

¹ Перевод здесь и далее в тексте подстрочный. Наш. – А. З., С. Ш.

и образом жизни» [8]. Е. Четвергов реализует своеобразный заказ стремящегося к самопознанию общества на исследование традиционной культуры, празднично-обрядовой сферы в частности. Именно этим обусловлено включение в структуру повести «этнографических» миниатюр («Телень ильтема чи» («Проводы зимы»), «Эрьбань чи» («Вербное воскресенье»), «Инечи» («Пасха»), «Тундонь ильтема чи» («Проводы весны»), представляющих художественную реконструкцию традиционных календарно-обрядовых праздников эрзян зимнего и весеннего цикла.

Среди праздников зимнего цикла Е. Четвергов выделяет день Проводов зимы (Кирякчи). С ним у него связано много детских воспоминаний. Особо теплые о том, как мать в этот день пекла «орешки»: «размером с грецкий орех, по вкусу – в зависимости от сдобы. Тесто месили на молоке, добавляли сметану, масло. Во время войны, понятно, такие продукты были недоступны, поэтому и на воде ржаные «орешки» казались очень вкусными» [5, 110]. В этот день, по утверждению автора, проводились традиционные кулачные бои, когда «мужчины мерились силой, хваткой, ловкостью, демонстрировали, чьи кулаки тяжелее и крепче. Колотили друг друга на полную силу. Порой от дыхания дерущихся поднимался туман. Не обходилось и без разбитых носов. Однако после боя зла друг на друга не держали – таков обычай» [5, 110].

Е. Четвергов реанимирует весенний праздник Вербный день (Эрьбань чи), который эрзяне считали Большим днем еще до принятия христианства. В древние времена Вербный день посвящали Вармаве, покровительнице ветра. В первые числа апреля в заранее обговоренном доме готовили угощения, проводили моление. Самая пожилая женщина села выходила на улицу и обращалась к Вармаве с мольбой о здоровье, спасении от зла, дурных вестей, богатом урожае и благополучии. После этого усаживались за стол, особое внимание уделялось женам мужчинам, которых после угощения провозжали через «забор»: девушки и парни цеплялись локтями, мужчине необходимо было найти «слабое» место и пройти через него, при этом его хлестали веточкой вербы и желали добра.

Кроме информационного потока об общественно-национальных событиях, обстоятельствах, отраженных сквозь призму авторской биографии в повести сильна еще одна идейная линия – философско-метафизическая. Повесть

не зря построена как рассказ от «начала» до «конца». Она рождает глубокие онтологические размышления реципиента о смысле жизни, роли человека в истории, нравственно-духовных ценностях, финале человеческого пути. Доказательны следующие примеры авторских раздумий: «Даже мимоходом не посещала меня мысль: древо жизни ветвистое. Словно растущий на свободном месте с растрескавшейся корой дуб. Какую ветку укажет тебе Бог? Куда поведет? Молодость, молодость! Весенняя птица жизни. Крылья широкие. Летает, не зная границ, то над деревьями взмывая до облаков, то низко опускаясь к земле... Торопится первой ласточкой. Размышлять времени нет...» [5, 153]. Образ «дуба с растрескавшейся корой» наделяется чертами универсального архетипа мирового древа. Рецепция мифа автором может рассматриваться как «интерпретация действительности на основании более глубоких моделей, универсальной структуры, в которых запечатлен опыт жизни всего человечества» [9]. В подобных экзистенциально окрашенных отступлениях наблюдается, с одной стороны, усиление субъективности, определяемой Н. А. Бердяевым как «экзистенциальная, ...приобретающая философское значение» [6, 297], с другой – возрастание степени обобщения, т.к. мифы как «проекция мира» «составляют жизненно необходимую функцию общества в целом» [9], становятся неотъемлемой частью культурной парадигмы народа.

Бесспорно, голос повествователя в повести «Размышляя о прожитом» доминирует над голосами персонажей на протяжении всего повествования, что не противоречит законам автобиографического жанра, основанного на стремлении автора найти и определить прежде всего себя как личность, осуществить самоидентификацию. По утверждению исследователей, автобиографическая проза «обращается к жизненному пути личности как к ее самоосуществлению. Она ищет индивидуальной целостности и создает (или пытается создать) образ «я»; она обнаруживает ощутимость сознания самому себе, конституирующую себя субъективность, схватывающую и объективирующую свою структуру в акте первичной рефлексии» [2, 226]. Осмысливая и оценивая свои поступки и действия во взаимосвязи с обстоятельствами действительности, автор совершает самоидентификацию, интерпретацию собственного «я».

Однако автобиографический текст кроме автогероя «запечатлевает образы близких пове-

ствователю людей, определяющих и восполняющих его «я» [2, 229]. В повести «Размышляя о прожитом» представлена целая галерея образов – родители, близкие, друзья, знакомые главного героя. «Чужое» в автобиографическом произведении оказывает непосредственное влияние на формирование характера повествователя, его этические оценки, формы и средства познания мира, восприятие им окружающей действительности. Каждый из введенных в повествование персонажей сыграл в жизни автора определенную роль и стал частью его воспоминаний. Следует указать на неоднозначность их репрезентации: одни обрисованы пунктирно, другие получают детальную характеристику.

Образ матери в повести глубоко драматичен. Индивидуализированный образ получает черты типичной советской женщины, рано овдовевшей во время войны, в одиночку вырастившей детей, познавшей все тяготы жизни. Особое значение в развертывании сюжетной линии матери играет мотив вдовства. Трагедийный пафос гибели отца повествователя на фронте инициирует развитие действия в начале повести и остро ощущается на протяжении всего повествования. Мотивом гибели мужа определена сюжетная коллизия матери. «Завтра маму вызывали в районный военкомат. Поняли: плохая весть об отце. ...Мама лежит на кровати. ...Вместо слов – рыдания. От эмоций и волнения она не находит себе места. Встает, выходит на улицу, заходит. ...Обед. Ждем возвращения мамы с района. «Идет, идет!» – первым заметил ее брат Коля. Верно, черная длинная шуба, которую до войны сшил на заказ отец, ее. Дошла до крыльца, сделала несколько шагов и, обессилев, упала в сугроб. Старшие сестры выбежали ей навстречу, подняли и с двух сторон завели домой. В верхней одежде она рухнула на кровать. «За что?! За что?! Что мне теперь делать?!» – доносились сквозь надрывные рыдания...» [5, 58]. На расстоянии ощущающая поддержку мужа, живущая верой в его возвращение женщина в одночасье остается одна с четырьмя детьми на руках. Ей сложно смоделировать ход дальнейшей жизни, однако с этой минуты она становится физически и психологически сильнее, увереннее в себе. В критической ситуации характер аккумулирует внутреннюю силу. Потеря мужа навсегда изменила ее, заставила позиционировать себя не только хозяйкой, но и центром семьи, единственным человеком, ответственным за судьбы детей. Архетипический мотив вдов-

ства, реализованный посредством образа матери повествователя, позволяет говорить о том, что в повести «Размышляя о прожитом» воплощается нравственный идеал женщины – сильной духом, верной памяти мужа, посвятившей себя служению детям.

Образы друзей и знакомых главного героя описаны в основном пунктирно, однако каждый из них становится определенным звеном сюжетосложения и средством воплощения авторского замысла.

Последние главы повести «Чачома Масторов велявтома» («Возвращение на родную землю») и «Кодамо кельсэ?» («На каком языке?») воссоздают зрелый период жизни и деятельности автора-повествователя. «Года давно перешагнули через семьдесят. Отяжелели. Катятся вниз. Мало осталось до конца. Докатятся и остановятся. Завершатся радости, горести, переживания, померкнут солнце, луна, замолкнут песни птиц... Из них соткана жизнь...» [5, 262]. Пессимистичное начало предпоследней главы развивается рассказом об общественной деятельности главного героя – организации им и его соратниками культурно-просветительского общества «Масторава», Фонда спасения эрзянского языка имени Д.Т. Надькина, газеты «Эрзянь мастор».

В последних главах повести «Размышляя о прожитом» наблюдаем трансформацию автобиографического материала, пережитых и страданных в реальной жизни событий в информационный публицистический источник. Несомненно, автобиография как динамическая система «вступает в активный диалог с другими речевыми произведениями, превращается в открытую систему и обязательно включает элементы интертекста» [2, 353], что связано с ее установкой на достоверность и объективность. В качестве «чужих» текстов в повести «Размышляя о прожитом» выступают резолюции совещаний, письма, судебные решения, тексты авторских выступлений и докладов на общественных мероприятиях, его газетные публикации. По утверждению исследователей интертексты в автобиографической прозе «служат способом углубления знаний о мире и одновременно одним из способов формирования личности автора, расширения сферы ее оценок» [2, 357]. На наш взгляд, необходимо учитывать возможность корреляции амбивалентных элементов в структуре «культурного» текста, чтобы избежать разрушения эстетических норм и канонов. Е. Четвергову, на наш взгляд, в данных

главах не удалось гармонизировать корреляцию «первичных» и «вторичных» (М.М. Бахтин) жанров. Репрезентированные в аутентичной форме письма-рекомендации, резолюции разного рода совещаний, принятые декларации, газетные статьи, предостережения не ассимилированы в художественную структуру нарратива, выполняют не эстетическую, а информационную нагрузку, неоправданно замедляют сюжетное действие, «разряжают» финальную развязку.

Обсуждение и заключения

Высказанные в процессе анализа автобиографической повести Е. Четвергова «Размышляя о прожитом» положения и умозаключения позволяют резюмировать следующее: частная жизнь осмысливается в произведении в трех ипостасях – как духовно-нравственное становление личности, как сфера национального и его проявлений, как трагическая судьба страны. Подобная триипостасность концептуально целостна, призвана раскрыть идейно-аналитический дискурс произведения, репрезентовать жизненный материал во всей сложности и многогранности, актуализировать онтологические и гносеологические вопросы бытия.

Автор как субъект и объект изображения воссоздает достоверный, неповторимый характер, сопряженный с национальной историей, исследует его нравственные ресурсы, ценности, психологические основы. В сознании умудренного жизненным опытом автогероя предстает все «поле» его жизни, что приводит к пространственно-временной панорамности нарратива, традиционное жизнеописание углубляется до раскрытия народной психологии и общественно-политических конфликтов.

Мемуарно-автобиографическое повествование фиксирует как значимые социальные, исторические, культурные события, так и информацию про внутреннюю психологическую жизнь автора, данные про его психоэмоциональные состояния в определенные периоды житнетворчества. Справедливо утверждать, что данная повесть Е. Четвергова значительно обогащает традиции национальной мемуарной прозы в воссоздании в индивидуальных свойствах характера персонафицированного образа народа, в художественной реконструкции национального прошлого.

Список источников и литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
2. Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы. М.: Флинта; Наука, 2002. 424 с.
3. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л.: Худож. лит., 1976. 448 с.
4. Зайцева Т.И. Удмуртская проза второй половины XX – начала XXI века: национальный мир и человек. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2009. 376 с.
5. Четвергов Е. Эрязденть арсезь: евтнематнестэ пурназь покш евтнема (Размышляя о прожитом: повесть в миниатюрах). Саранск, 2010. 356 с.
6. Бердяев Н.А. Самопознание. URL: http://modernlib.ru/books/berdyaev_nikolay_aleksandrovich/samopoznanie/read/ (дата обращения: 24.05.2017).
7. Зиновьев В.П., Жеравина А.Н. Советская составляющая российской идентичности // Русин. 2014. № 4 (38). С. 130–138. DOI: 10.17223/18572685/38/10. URL: http://journals.tsu.ru/rusin/&journal_page=archive&id=1131&article_id=34042 (дата обращения: 19.11.2017).
8. Демченко П.Н. Философско-методологические подходы к пониманию праздника как феномена бытия // Вестник Поволжского института управления, 2015. № 3 (48). С. 117–121. URL: <http://vestnik.pags.ru/vestnik/archive/arhiv48/Demchenko.pdf> (дата обращения: 18.11.2017).
9. Расторгуева Г.В., Родина М.В. К интерпретации лингво-когнитивных структур в художественном тексте: миф и символ в «The chronicles of Narnia» К. С. Льюиса // Вопросы когнитивной лингвистики, 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-interpretatsii-lingvo-kognitivnyh-struktur-v-hudozhestvennom-tekste-mif-i-simvol-v-the-chronicles-of-narnia-k-s-lyuisa> (дата обращения 18.11.2017).

References

1. Bakhtin M.M. *Jestetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskustvo Publ., 1986. 2nd ed. 445 p. (In Russian)
2. Nikolina N.A. *Pojetika russkoj avtobiograficheskoj prozy* [Poetics of Russian autobiographical prose]. Moscow: Flinta; Nauka Publ., 2002. 424 p. (In Russian)

3. Ginzburg L.Ya. *O psihologicheskoy proze* [About psychological prose]. Leningrad: Hudozhestvennaya literature Publ., 1976. 448 p. (In Russian)
4. Zaytseva T.I. *Udmurtskaya proza vtoroy poloviny XX – nachala XXI veka: nacional'nyj mir i chelovek* [Udmurt prose of the second half of XX – the beginning of the XXI centuries: national world and man]. Izhevsk: Udmurtskiy universitet Publ., 2009. 376 p. (In Russian)
5. Chetvergov E. *Jerjzdent' arsez': evtnematnestje purnaz' poksh evtnema (Razmyshljaja o prozhitom: povest' v miniatjurah)* [Jerjzdent' arsez': evtnematnestje purnaz' poksh evtnema (Thinking about the spent life: the story in miniatures)]. Saransk: [w/p], 2010. 356 p. (In Erzya)
6. Berdyaev N.A. *Samapoznanie* [Self-knowledge]. Available at: http://modernlib.ru/books/berdyaev_nikolay_aleksandrovich/samapoznanie/read/ (accessed May 19, 2017). (In Russian)
7. Zinoviyev V.P., Zheravina A.N. *Sovetskaya sostavljajushhaya rossijskoy identichnosti* [The Soviet component of the Russian identity]. *Rusin* [Rusin], 2014, no. 4 (38), pp. 130–138. DOI: 10.17223/18572685/38/10. Available at: http://journals.tsu.ru/rusin/&journal_page=archive&id=1131&article_id=34042 (accessed November 20, 2017). (In Russian)
8. Demchenko P.N. *Filosofsko-metodologicheskie podhody k ponimaniyu prazdnika kak fenomena bytiya* [Philosophical-methodological approaches to understanding of the holiday as a phenomenon of being]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya* [Bulletin of the Volga Region Institute of Administration], 2015, no. 3 (48), pp. 117–121. Available at: <http://vestnik.pags.ru/vestnik/archive/arhiv48/Demchenko.pdf> (accessed November 18, 2017). (In Russian)
9. Rastorgueva G.V., Rodina M.V. *K interpretacii lingvo-kognitivnyh struktur v hudozhestvennom tekste: mif i simvol v «The chronicles of Narnia» K. S. L'juisa* [To the interpretation of linguistic-cognitive structures in the literary text: myth and symbol in K.S. Lewis's «The chronicles of Narnia»]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Issues of cognitive linguistics], 2012, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-interpretatsii-lingvo-kognitivnyh-struktur-v-hudozhestvennom-tekste-mif-i-simvol-v-the-chronicles-of-narnia-k-s-lyuisa> (accessed November 18, 2017). (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Шеянова Светлана Васильевна, профессор кафедры финно-угорских литератур, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева» (430000, г. Саранск, ул. Демократическая, д. 69); доктор филологических наук, доцент.

ORCID ID 0000-0002-6504-3410

sheyanovas@mail.ru

Закирзянов Альфат Магсумзянович, профессор кафедры татарской литературы, ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18), доктор филологических наук, доцент.

ORCID ID 000-0002-8501-852X

Alfat_zak@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Sheyanova Svetlana Vasilyevna, Professor of Department of Finno-Ugric Literatures, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya st., 68), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

ORCID ID 0000-0002-6504-3410

sheyanovas@mail.ru

Zakirzyanov Alfat Magsumzyanovich, Professor of Department of Tatar Literature, Kazan Federal University (420008, Russian Federation, Kazan) Kremlyovskaya st., 18), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

ORCID 000-0002-8501-852X

Alfat_zak@mail.ru